

БД 141.2
ББК Ю11 + Ю3(0)

ДИАЛЕКТИКА ВОЙНЫ И МИРА В ИСТОРИИ ЗЕМНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

И.В. Вишев

Рассматривается диалектика войны и мира на различных стадиях человеческой истории и ее отражения в соответствующих понятиях.

Ключевые слова: диалектика, противоречие, война, мир, единство и борьба противоположностей, аниматизм, первобытное общество, рабовладение, земная цивилизация, проект кантовского договора о вечном мире между государствами.

Знаменательный юбилей Великой победы советского народа над немецко-фашистскими агрессорами во Второй Отечественной войне (первая – победа над Наполеоном в 1812–1813 годах), сыгравшей решающую роль в победе антифашистской коалиции во Второй Мировой войне 1939–1945 годов побуждает бросить глобальный взгляд на проблему войны и мира в истории земной цивилизации, хотя бы краткий и фрагментарный. Актуальность данной темы обусловлена, в частности, и тем, что факт разыгравшихся в XX столетии двух мировых войн, да и других тоже, стал интерпретироваться рядом мыслителей, вроде философов жизни, в иррационалистическом и даже мистическом духе как неопровержимое свидетельство бессилия человеческого разума, его неспособность решать фундаментальные проблемы человечества и человека, изжитость идеалов эпохи просвещения. Однако остается в силе вопрос, насколько такой взгляд адекватен действительности. Подходы к рассмотрению данной темы могут быть разными, но наиболее перспективным представляется диалектический взгляд на эту проблему.

Человек мыслит противоположностями: понятие «верха» не имеет смысла без понятия «низа», «левая сторона» – без понятия «правой стороны», наряду с такими, как «жизнь» и «смерть», «победа» и «поражение», «война и мир» и т.д. Однако подобного рода противопоставления возникли далеко не сразу. Они вырабатывались постепенно, во времени, по мере усложнения опыта жизни наших далеких предков и развития их мышления.

Большое значение в этой связи имел период аниматизма (в отличие от анимизма), когда начался процесс становления духовной жизни человечества. Это понятие было предложено Робертом Мареттом (1866–1943), английским социальным антропологом и религиоведом. Он является автором гипотезы о существовании первоначальной стадии религиозного развития человека, на которой еще не сложились анимистические представления,

когда люди верят в сверхъестественную безличную силу, скорее чувствуя, чем осознавая ее [1]. Однако такое понимание аниматизма вызывает определенные возражения и необходимость ряда уточнений, ведь вряд ли данный период можно считать ступенью в эволюции религиозных верований и временем возникновения представления о сверхъестественном, очень сложном и более позднем.

В этом отношении более последовательной и точной представляется точка зрения А. Д. Сухова. Он подчеркивал: «Сущность аниматизма заключается в том, что все предметы окружающей человека действительности – природы и общества – рассматриваются как живые и качественно не отличающиеся от человека. Аниматизм – это всеобщее «ожитворение» природы» [2, с. 128]. И несколько ниже: «Само собой разумеется, аниматизм – неправильная, ошибочная система взглядов. Но как нам представляется, было бы неверно отождествлять аниматизм с религией» [2, с. 129]. Далее подчеркивается: «В аниматизме еще нет раздвоения мира на земной и неземной, нет противопоставления неземного мира земному, потустороннего посюстороннему, нет представления о том, что неземной мир господствует над миром земным. А без этого нет и религии. Религия немыслима без идеалистического решения основного гносеологического вопроса» [2, с. 137]. Более того, поначалу в понятиях не различались «живое» и «мертвое», поскольку последнее разлагалось, а значит изменялось, т.е. тоже было живым. Тогда практически не различались даже такие состояния, как явь и сон.

На ранней стадии развития первобытного общества родовые объединения были небольшими и сплоченными кровнородственными связями. Это помогало им выжить в исключительно трудных условиях существования, когда орудия труда были еще слабо развиты и не могли сколько-нибудь надежно амортизировать неблагоприятные воздействия внешней среды, тем более, пока люди не научились более или менее долго сохранять продукты питания. Однако кровнородственные объединения делали в то же время всех остальных людей чужими, не родственниками. Это обстоятельство не могло не приводить их к столкновениям между собой в той или иной форме. Подобный опыт, однако, еще не мог привести к возникновению понятий «войны» и «мира». Они стали следствием более поздних и более сложных человеческих взаимоотношений. Во всяком случае, как представляется, понятия «жизни» и «смерти» сложились раньше, чем «войны» и «мира», хотя предпосылочное противоречие, естественно, уже действовали.

Продолжительность жизни в кровнородственных объединениях была небольшой (18–20 лет), т.е. смена поколений была быстрой, что также тормозило процесс накопления и передачи опыта, а значит, и развитие этого общества. Редчайшие случаи продолжительности соплеменника в 60–80 лет, за время жизни которого сменялись 3–4 поколения, создавало у сородичей впечатление о нем, как дремучем старце, чуть ли не вековечном человеке.

В Библии со временем нашли свое отражение представление чрезвычайной длительности человеческой жизни во многие сотни лет. Так, Адам будто бы жил 930 лет, а Мафусаил – 969. Эта длительность считается предельной, а сам он – ее персонифицированным образом. Однако в действительности такой продолжительности жизни в прошлом никогда не было, т.к. подобного рода величины стали результатом исчисления времени по лунному календарю, а когда перешли на солнечный календарь – сроки человеческой жизни сразу сократились в 10–12 раз и приняли современный вид.

Социальные связи тогда лишь возникали, но еще не закреплялись должным образом, например, для разрешения тех или иных возникающих затруднений выдвигался наиболее способный сородич, а когда они устранялись, он возвращался в свой прежний статус. Однако со временем общественная жизнь усложнялась, разного рода затруднения накапливались и становились более постоянными, а потому одаренные сородичи все дольше сохраняли свой новый статус, закрепляли его. Естественно, эти сородичи чаще других являлись в сновидениях остальным, даже после своей смерти. С ними постепенно стали связывать свойства долговечности, а когда эти образы по описанию стали передаваться очевидцами и потомками из поколения в поколение, обрастая всякого рода преданиями, им стали приписывать и свойство бессмертия. Так, в конечно счете, появились представления о богах.

Однако уже с самого начала человеческой истории стали формироваться факторы, которые определили возникновение противоречий в социуме. Главный из них заключался в том, что кровнородственные связи, спланивая небольшие группы людей и способствуя их выживанию, в то же время противопоставляют эти сообщества всем другим, как чужим, не родственным. Данное обстоятельство, корни которого уходят еще в животное состояние, с неизбежностью вызвали столкновение за обладание более благоприятными условиями существования.

Преодолевая негативные последствия инбридинга, кровосмешения, пагубно сказывавшегося на физическом и психическом здоровье индивидов, родовые объединения, возрастая количественно, распадались, жили обособленно и затем уже между собой вступали в брачные отношения. Связи между родовыми объединениями становились все сложнее и разнообразнее, а позже возникли племена и союзы племен. Но все они, так или иначе, базировались на кровнородственных отношениях, хотя и все более отдаленных, которые тем не менее долгое время оставались определяющими. Однако возникающие и обостряющиеся противоречия еще не носили непримиримого антагонистического характера. Они появились в следующую историческую эпоху.

Существенные перемены в истории человеческого общества произошли в процессе перехода от первобытного строя к классово-антагонисти-

ческому (в одних странах – к рабовладельческому, в других – к более поздним общественно-экономическим формациям, согласно марксистской, периодизации человеческой истории). Этот переход был обусловлен действием прежде всего таких факторов, как появление металлических орудий труда, более совершенных средств охоты и т.п., разделение общественного труда (обособление земледельцев, скотоводов, ремесленников, людей умственного труда и т.п.), роста производительности труда, создание прибавочного продукта, который со временем стал неравномерно перераспределяться в процессе обмена товарами. Внешне это происходило справедливо, но в итоге возникло имущественное неравенство, разбогатевшие и обедневшие, экономически свободные и зависимые.

Формирование классов, т.е. значительных групп людей сначала с различными, а затем и противоположными, взаимоисключающими, интересами, породило непримиримое, антагонистическое, противоречие между ними классовую борьбу за свои интересы. Общество расколосось на эксплуатирующее меньшинство и на эксплуатируемое большинство. Казалось бы, что победа была бы за последним, но и оно впоследствии, поскольку те же факторы действовали бы и впредь, должно было бы расколоться на такое же меньшинство и большинство. Это могло бы продолжаться до тех пор, пока не стало бы ни меньшинства, ни большинства. Чтобы человеческое общество, таким образом, не покончило бы с собой самоубийством, люди «изобрели» государство, внешне завуалированное, но по сути и природе своей, политическую организацию экономически господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых оппонентов.

В новых социально-экономических условиях стало выгодным обращать военнопленных в рабов и принуждать их создавать прибавочный продукт. В этой ситуации во все возрастающей степени стали использоваться средства насилия, среди которых первое место заняла война для захвата богатств других стран и военнопленных. В этих условиях зародилась и мечта о вечном мире внутри государств и между ними. Однако она не осуществлена до сих пор, ибо ее реализация зависит не столько от сознания людей, сколько от неустранимых пока что различных социальных антагонизмов. История земной цивилизации превратилась в постоянную смену состояния войны и мира между народами как проявление единства и борьбы противоположностей.

Но военнопленные не были единственным источником рабской силы, в сложившихся условиях стало выгодным использовать для получения прибавочного продукта и труд обедневших соплеменников. Поначалу различия между рабами из военнопленных и из соплеменников были весьма существенными. Первые были совершенно бесправными. О них в Библии, например, говорится как о «серебре» господина. Это имело принципиально важное значение. В той же Библии говорится: «А если кто ударит раба

своего, или служанку свою палкою, и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан; но если они день или два дня переживут, то не должно наказывать его, ибо это его серебро» (Ис. 21:20–21). Так что даже за смерть человека господин раба практически не нес наказания. Между тем именно в предыдущей главе провозглашается заповедь «Не убивай»!

Иным было положение рабов-соплеменников, которые имели вполне определенные права, однако со временем все более сводившиеся на «нет». Предварительно следует заметить, что у древних евреев был обычай юбилейного года, согласно которому считалось, что в седьмой год раб из соплеменников освобождался от долга перед своим господином. В Моисеевом, или Синайском, законодательстве, которое, согласно Библии, бог дал Моисею на горе Синай, есть и такие статьи. В ней так сказано о правах раба-соплеменника: «И вот законы, которые ты объявишь им: если купишь раба Еврея, пусть он работает [тебе] шесть лет, а в седьмой [год] пусть выйдет на волю даром; если он пришел один, пусть один и выйдет; а если он женатый, пусть выйдет с ним и жена его; если же господин его дал ему жену и она родила ему сынов, или дочерей, то жена и дети ее пусть останутся у господина ее, а он выйдет один; но если раб скажет: люблю господина моего, жену мою и детей моих, не пойду на волю, – то пусть господин его приведет его пред богов и поставит его к двери, или к косяку, и проколет ему господин его ухо шилом, и он останется рабом его вечно» (Ис. 21: 1–6). Был у них еще и обычай великого юбилейного года – 49 лет (семью семь), но до него надо было дожить, что в те времена было сделать не так то просто. Значительно проще было оказаться вечным рабом и при том существенно раньше.

В развитии рабовладельческого обществе, когда его классовая структура оформилась вполне определенно, а борьба классов стала очевидным фактом социальной реальности, состояния войны и мира постоянно сменяли друг друга, и то, и другое, и третье с необходимостью превратились в предмет целенаправленной философской рефлексии. Одним из первых и наиболее известных примеров этому стал диалог Платона «Государство», в котором, как обычно, главным персонажем был Сократ.

Население этого общества жестко разделилось на две части – свободное и рабское. Рабовладельчество представлялось естественным состоянием социума, сами рабы – говорящими орудиями, инструментами, в отличие, например, от мычащих (волов и т.п.). Но они по численности нередко они оказывались больше свободного населения, что не могло не вызывать у последнего возрастающую тревогу. В Диалоге есть, в частности, следующее рассуждение его участников, хотя и несколько абстрактное:

«– Ну, а если кто из богов возьмет такого человека, имеющего пятьдесят или больше рабов, и перенесет его в пустыню вместе с женой, детьми, челядью и со всем имуществом – туда, где не найдется свободнорожден-

ных людей, чтобы оказать ему помощь, – сколько бы у него, по-твоему, возникло разных опасений, страхов за себя, за детей и за жену, как бы их всех не погубила челядь?

– По-моему, он всегда был бы в страхе.

– Разве не стал бы он заискивать кое-перед кем из своих рабов, не давал бы разные обещания, не начал бы отпускать их на волю без всякой надобности? Он сам оказался бы льстецом у своей прислуги» [3, с. 435].

И это умонастроение неуклонно усиливалось.

Но не менее тревожным становилось и другое обстоятельство. Было ясно, что каждый полис – город-государство – расколот надвое: город богатых и город бедных, между которыми разгоралась обостряющаяся борьба. Она ослабляла полис, делала его более легкой добычей внешних врагов. При этом ясно различалось противоборство внутригреческое и с иноземными государствами. В «Государстве» Платона присутствуют такие рассуждения:

«– Значит, если эллины сражаются с варварами, а варвары с эллинами, мы скажем, что они воюют, что они по самой своей природе враги и эту их вражду надо называть войной. Когда же нечто подобное происходит между эллинами, надо сказать, что по природе своей они друзья, но Эллада в этом случае больна и в ней царит междоусобица, и такую вражду следует именовать раздором...

– Посмотри-ка: при таких, как мы только что условились это называть, раздорах, когда нечто подобное где-нибудь происходит и в государстве царит раскол, граждане опустошают друг у друга поля и поджигают чужие дома, сколь губительным окажется этот раздор и как мало любви к своей родине выкажут обе стороны! Иначе они не осмелились бы разорять свою мать и кормилицу. Достаточно уж того, что победители отберут у побежденных плоды их труда, но пусть не забывают они, что цель – заключение мира: не вечно же им воевать!» [3, с. 294].

Подобная ситуация подчас усугублялась тем, что она была чревата восстанием рабов.

Предпринимались попытки и выявления причин войны, в частности, возрастание разнообразия человеческих потребностей, увеличение количества людей, которые их удовлетворяет, рост численности населения страны в целом увеличение ее размеров. Вообще, возникновение государства рассматривалось как следствие роста материальных нужд и невозможности их удовлетворения в одиночку. В «Государстве» Платона можно прочитать и такие размышления:

«– Да и страна, тогда достаточная, чтобы прокормить население, теперь станет мала. Или как мы скажем?

– Именно так.

– Значит, нам придется отрезать часть от соседней страны, если мы намерены иметь достаточно пастбищ и пашен, а нашим соседям в свою оче-

редь захочется отхватить часть от нашей страны, если они тоже пустятся в бесконечное стяжательство, перейдя границы необходимого.

– Это совершенно неизбежно, Сократ.

– В результате мы будем воевать, Главкон, или как с этим будет?

– Да, придется воевать.

– Пока мы еще ничего не станем говорить о том, влечет ли за собой война зло или благо, скажем только, что мы открыли происхождение войны – главный источник частных и общественных бед, когда она ведется» [3, с. 163].

И подобного рода попытки осмыслить происходящее, естественно, продолжались и дальнейшем. И Сократа, и Платона не мог не интересовать и не волновать главный вопрос: каким должно быть идеальным государство, как устроено, на каких основаниях, чтобы оно было способно решать возникающие проблемы и преодолевать разнообразные трудности? Его они решали, разумеется, со своих общемировоззренческих, религиозно-философских, позиций. Как им представлялось, в государстве должно быть три сословия – правители, стражи, ремесленники и земледельцы. Они соответствуют трем частям души – разумной, аффективной и вожделеющей. Статус человека в обществе должен определяться качествами его души и соответствующим воспитанием.

Особое внимание уделяется в «Государстве» Платона тому, что функции правителей должны принадлежать философам и философствующим властелинам. В диалоге приводятся такие рассуждения:

«– Относительно природы философов нам надо согласиться, что их страстно влечет к познанию, приоткрывающему им вечно сущее и не изменяемое возникновением и уничтожением бытие, о котором мы говорили

– Посмотри вслед за этим, необходимо ли людям, которые должны стать такими, как мы говорим, иметь, кроме того, в своем характере еще и следующее...

– Что именно?

– Правдивость, решительное неприятие какой бы то ни было лжи, ненависть к ней и любовь к истине.

– Значит, тот, кто действительно любознателен, должен сразу же, с юных лет изо всех сил стремиться к истине?

– Да, это стремление должно быть совершенным» [3, с. 311–312].

Философу должны быть также присущими такие свойства, как соразмерность, тонкость ума и т.п.

Затрагивается и чрезвычайно важные для философа вопрос о жизни и смерти:

«– Если ему свойственны возвышенные помыслы и охват мысленным взором целокупного времени и бытия, думаешь ли ты, что для такого человека много значит человеческая жизнь?

– Нет, это невозможно.

- Значит, такой человек и смерть не будет считать чем-то ужасным?
- Менее всего» [3, с. 313].

Сократ как известно считал, что философ заранее должен быть готов к смерти и спокойно встретить ее. Так он ее и встретил.

Взгляды Сократа и Платона на государство оказывали на протяжении многих последующих столетий огромное влияние на развитие философско-политической мысли. Ее история представляет собой особый и значительный интерес. Однако размер настоящей статьи не позволяет остановиться на ней сколько-нибудь подробно. Поэтому придется ограничиться кратким рассмотрением взглядов по этому вопросу и И. Канта, одного из виднейших представителей эпохи Просвещения и основоположника немецкой классической философии.

В этой связи имеет смысл обратить внимание на его сочинение «К вечному миру». Оно начинается с примечательного противопоставления глав государств, «которые никогда не смогут пресытиться войной» и философов, «которым снится этот сладкий сон» [4, с. 6]. При этом Кант, по его выражению, «оговаривает для себя следующее: политик-практик в споре с политиком-теоретиком должен поступать достаточно последовательно и не усматривать опасности для государства в мнениях теоретика, высказанных им публично и без задней мысли; ведь отношения между ними таковы, что практик с гордым самодовольством, свысока смотрит на теоретика как на школьного мудреца, пустые идеи которого не опасны для государства, исходящего из принципов, основанных на опыте; государственный муж, *умудренный опытом*, может не опасаться за исход игры, как бы ни были удачны ходы его партнера. Автор надеется, что эта оговорка (*clausula salvatoria*) в достаточной мере оградит его от любого злонамеренного истолкования данного сочинения» [4, с. 6]. Оговорка эта, несомненно, очень примечательна.

Сочинение Канта состоит из двух разделов: первый, «содержит предварительные (предварительные, подготовительные. – *И. В.*) статьи договора о вечном мире между государствами» [4, с. 6], их шесть; второй – «окончательные статьи договора о вечном мире между государствами» [4, с. 13], их три.

Как примеры статей первого раздела, можно привести такие: «1. Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основа новой войны» [4, с. 6]; «3. Постоянные армии (*miles perpetuus*) со временем должны исчезнуть» [4, с. 8]; «5. ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и управление другого государства» [4, с. 9]. В качестве примеров статей второго раздела можно привести следующие: «1. Гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским» [4, с. 14]; «2. Международное право должно быть основано на *федерализме* свободных государств» [4, с. 18]. Таким образом и приведенные, и остальные статьи, но особенно комментарии Канта к ним звучат и сегодня во многом

злободневно и актуально. Не удивительно, что идеи Канта также оказали серьезное влияние на последующее развитие философско-политической мысли. При этом безусловно ряд аспектов настоящей темы должны быть рассмотрены в других докладах конференции.

Библиографический список

1. Роберт Рэйналф Маретт. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Маретт,_Роберт_Рейналф/.
2. Сухов, А.Д. Философские проблемы происхождения религии / А.Д. Сухов. – М.: Мысль, 1967.
3. Платон. Государство / Платон // Платон: Собр. соч. в 4 т. Т. 3. Ч. 1. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007.
4. Кант, И. К вечному миру / И. Кант // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. – М.: ЧОРО, 1994.